

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und 70 Pf. (4 fr.)
sonstigen Ländern . . .

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 4 (384)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Февраля 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: “Bâtiment 11”

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Испания и Европа.
Ф. Дан. Политический кризис Советского Союза.
П. Гарви. Оживление трупа.
И. Греков. Заметки: Вредительский юмор. — «Не стеснясь
буквально ничем».
С. Шварц. Профсоюзы на перепутье.
Ю. Осокин. Основные черты международной политики.
Соединенное Заседание Бюро РСИ и МФПС.

Заграницей: Рабочий Интернационал — испанским борцам.
— Отставка Вандервельде. — Герои германской социал-
демократии. — Рост французского социализма. — Съезд
ППС. — К 65-летию П. И. Калнина.
Из партии: К 70-летию И. Юдина. — Непристойность или
глупость?
Издания, поступившие в редакцию.
Почтовый ящик.

ИСПАНИЯ И ЕВРОПА

С 20-го февраля запрещена вербовка и отправка волонтеров в Испанию. С 6-го марта должен начаться международный контроль держав, подписавших пакт о невмешательстве в испанские дела.

Реакционные газеты всей Европы открыто пишут о том, что заключение этого соглашения, которого так упорно и так тщетно по совершенно иным мотивам и в совершенно иной обстановке добивалось французское правительство Народного Фронта, стало возможным только потому, что в данный момент фашистские правительства считают победу Франко обеспеченной. Они противились установлению действительного контроля до тех пор, пока они еще не успели снабдить испанский авангард фашизма всем необходимым ему военным снаряжением и достаточным числом германских и итальянских дивизий. Теперь, когда эта задача в общих чертах закончена, они не имеют ничего против того, чтобы у противной стороны, т. е. у республиканского правительства Испании путем строгого контроля была отнята возможность, в свою очередь, получить со стороны военно-техническую помощь (иностранных солдат испанской революции не нужно, ибо за ней народные массы самой Испании).

Говоря о военных успехах Франко за последнее время, парижская газета «Тан», которую трудно заподозрить в излишних симпатиях к республиканской Испании, указывает, что эти успехи не были бы возможны,

если бы генерал Франко не располагал значительными военными силами и могущественным военным материалом, который он в состоянии быстро перебрасывать с одного участка фронта на другой, и газета прибавляет: «Это дает представление о значительности той помощи, которую националисты повидимому получили извне за последние недели» («Тан», 21 февраля).

Нет более позорного и удручающего зрелища чем то, свидетелем которого был мир за последние 7 месяцев, начиная с августа. Испанские генералы и фашисты, при самой активной помощи Германии и Италии, организуют заговор против своего законного правительства, только что на всеобщих свободных выборах получившего одобрение огромного большинства народа. Когда это правительство организует оборону республики при помощи самоотверженных рабочих и крестьян, — фашистские правительства, прибегая к неслыханному шантажу — угрозе войною, парализуют ту помощь, которую законное правительство Испании по всем божеским и человеческим законам имело право получить за границей, в странах европейской демократии. Вопреки всем международным нормам и специальным торговым договорам, Франция, Англия, Бельгия, Америка аннулируют все заказы, которые уже давно, задолго до гражданской войны, были сделаны в этих странах правительством «дружественной» Испании, и фактически выдают законное правительство головой хорошо вооруженным бан-

дам заговорщиков. Разрываемая между сочувствием испанской республике и опасением международных осложнений, терроризируемая изнутри правыми партиями и колеблющимися радикал-социалистами и извне — давлением Англии, — Франция Народного Фронта ухватывается за соломинку «пакта о невмешательстве». Но в то время, как в странах демократии пакт этот, за небольшими исключениями, соблюдается, Германия и Италия использует лицемерную ширму невмешательства для систематической, массивной, ни перед чем не останавливающейся помощи мятежникам оружием, военными материалами, танками, аэропланами и — людьми, в которых испанские заговорщики так сильно нуждаются.

Пункт за пунктом, шаг за шагом, методически и по точно разработанному плану Гитлер и Муссолини снабжают, организуют, обучают и вооружают за счет и силами государства своих ставленников в Испании. В то же самое время законное правительство Испании, связанное «договорами дружбы» со всеми демократиями Европы, лишь с величайшим трудом, лишь случайно, лишь при помощи всяких ухищрений и ценой тяжелых материальных жертв может приобретать самую малую долю того, что ему нужно для защиты страны и ее конституционных учреждений. И если бы не самоотверженная помощь, оказанная, вопреки всем запретам и несмотря на риск, испанской республике отдельными рабочими организациями и отдельными социалистическими деятелями, и если бы не помощь, которую в последнюю минуту оказало советское правительство, испанская республика давно бы уже пала под ударами врага, несмотря на все то огромное сочувствие, которым она пользуется в широких народных массах Испании.

Но каждый раз, когда в «Комитете Невмешательства» в Лондоне подымался вопрос о «циничном и систематическом нарушении «невмешательства» со стороны фашистских стран, каждый раз когда представители испанского правительства пытались подымать этот вопрос в Лиге Наций, — почтенные джентельмены, председательствующие в этих почтенных учреждениях, находили вопрос «недостаточно выясненным», доказательства «недостаточно убедительными», обвинения против Гитлера и Муссолини «необоснованными», — и вопрос снимался с очереди.

Когда, неожиданно для буржуазных правительств и не взирая на однобокое невмешательство, правительству испанской революции все же удалось преодолеть свое техническое несовершенство и оказать непреодолимое сопротивление наступлению Франко, фашистские страны пошли еще дальше по пути вмешательства: они организовали снабжение своего испанского ставленника не только оружием и военным снаряжением, но и живой силой. Целые дивизии хорошо обученных итальянских солдат и германских «добровольцев» были переброшены в Испанию на правительственных кораблях и под охраной военных судов данных держав.

А бессильная и парализованная Европа лишь покорно регистрировала количество итальянских и германских войск, высаженных в Испании, и французские и английские газеты заискивающе выражали надежду, что может быть теперь уже повелители Европы благоволят, наконец, прекратить дальнейшую поставку войск и осуществить договор о невмешательстве. С каким ликованием недели две тому назад даже «либеральные» французские и английские газеты встретили радостную весть, что, кажется, наконец, Германия и Италия считают победу Франко обеспеченной и потому — о, великое счастье! — примут предложение о взаимном контроле.

Радостное событие действительно наступило. Договор был подписан. Но так как повидимому некоторые итальянские и германские транспорты еще находились

в пути, то, чтобы дать им время спокойно прийти и разгрузиться в Испании, момент вступления в силу контроля был отодвинут до 6-го марта. Можно ли представить себе еще более непристрастное «невмешательство» — и более рабское подчинение воле фашистских диктаторов?!

Нам уж не раз приходилось подробно останавливаться на выяснении причин, приведших к созданию в Европе такого униженного и парадоксального положения. Центральное место тут принадлежит политике английского консервативного правительства. Глубоко враждебное идее новой мировой войны, как по своей империалистической «насыщенности», так и в силу глубоко пацифистского настроения английских масс, правительство Болдвина — Чемберлена — Идена — Галифакса не желает, однако, идти на тот единственный путь, который действительно был бы в состоянии предотвратить войну — на путь образования прочного анти-фашистского блока вместе с Францией и Сов. Россией. Вместо этого, английские консерваторы, эксплуатируя пацифистские настроения своего народа, пытаются найти «компромисс» с Германией и Италией, — в то же самое время доводя свои вооружения до такой степени, которая дала бы им возможность, в случае крушения примирительных попыток, защитить свои национально-империалистические интересы своими собственными силами, без Франции и без России. Правительство Болдвина не нуждается в свержении фашизма в Германии; оно боится политических потрясений в Италии, — настолько, что эта боязнь парализовала мощь британского льва во время абиссинского конфликта и продиктовала отказ Англии от действительной блокады Италии; само собой разумеется, что и в испанском конфликте все симпатии английских консерваторов на стороне Франко: лондонское Сити больше всего боится победы «коммунизма и анархизма», которая могла бы угрожать интересам английского капитала в Испании. Но Англия играет сейчас главенствующую роль в сонме европейских держав; тактика правительства Болдвина определила, поэтому, направление всей европейской политики по отношению к Испании. И даже Франция, национально-колониальным интересам которой укрепление фашизма в Испании больше всего угрожает, и даже левая Франция Народного Фронта, ненавидящая фашизм по соображениям идеологическим и классовым, не считает себя в силах вести самостоятельную политику по отношению к Испании, опасаясь разлада с Англией, который поставил бы ее в изолированное положение по отношению к фашистскому блоку. Англия фактически стала на сторону Франко с первых же дней восстания, когда британские военные корабли воспрепятствовали движению испанского правительственного флота у берегов Африки. Английские представители в лондонском комитете невмешательства систематически препятствовали разоблачению актов интервенции со стороны Германии и Италии. Английские представители в Лиге Наций саботировали всякую акцию испанского правительства в Женеве. И все дальнейшее развитие событий заставляет считать отнюдь не исключенным уже высказанное нами предположение, что в декабрьском «джентельменском соглашении» между Англией и Италией была предусмотрена, вопреки пакту о невмешательстве, посылка определенных итальянских контингентов в Испанию. Но за колесницей Англии, фактически способствовавшей победе Франко, покорно плелась Франция Народного Фронта, обессиленная своей политической изоляцией, парализованная наивным, но глубоким пацифизмом широких французских масс, даже пролетарских, готовых приветствовать всякий шаг, отдаляющий кровавый призрак войны. Как будто бессилие и разрозненность европейской демократии, капитулирующей

перед фашистским шантажом, собственными руками помогающей фашистам в центре и на юге Европы воздвигнуть еще третий центр фашизма на Пиренейском полуострове, отдаляет, а не приближает роковой момент!

**

Но печальное и позорное зрелище буржуазной Европы, находящейся в плену у фашистских насильников, не должно отнимать у нас веры в конечную победу испанской революции. Семь месяцев гражданской войны в Испании показали всему миру, какие гигантские источники энергии таятся в непреклонной воле к свободе героического народа, и насколько эфемерны все расчеты, построенные только на учете технического соотношения сил. Ведь к началу восстания, в дни 18-го и 19-го июля девять десятых всей испанской армии, всех ее вооруженных сил были на стороне повстанцев. Ведь сторонникам республики буквально голыми руками приходилось брать укрепленные форты, артиллерийские казармы, защищаемые хорошо вооруженными воинскими частями. Революционный энтузиазм рабочих масс возместил недостаток вооружения и технической поддержки. Без артиллерии, без пулеметов, без танков, без аэропланов, даже зачастую без современных винтовок и почти всегда без достаточной амуниции группы рабочих сумели в первые же дни сломить сопротивление мятежников и создать вооруженную силу, которая в течение семи месяцев в общем успешно отражала подготовленное по всем правилам военного искусства нападение прекрасного вооруженного и несравненно лучше организованного врага, имевшего на своей стороне закаленные и отборные воинские части. Не окажутся ли и сейчас математические расчеты итальянского и германского генеральных штабов, якобы точно рассчитавших, сколько дивизий, аэропланов, танков и пушек нужно Франко для окончательной победы над слабо вооруженными силами испанской республики, — столь же иллюзорными, как все сроки для взятия Мадрида, которые с такой помпой возвещались уже не раз штабами мятежников?!

Буржуазная печать Европы, сейчас более или менее единодушно склоняющаяся к убеждению о конечной победе Франко и требующая сейчас, даже во Франции, фактического признания Бургосского правительства, — строит свои расчеты не только на военно-техническом превосходстве мятежников, но и на том внутреннем разложении, которое, по их словам, будто бы начинается в лагере революции. Они спекулируют на междоусобную войну между анархистами и коммунистами, между каталонскими сепаратистами и сторонниками Мадрида и т. п. Нет сомнения, что такая опасность имеется. Если силы испанской республики до сих пор не одержали еще окончательной победы, то в этом повинно не только недостаточное вооружение республиканских сил (хотя зачастую именно это являлось решающим), но и недостаточная степень организованности и централизации революционных сил. Исторически сложившаяся региональная раздробленность Испании, политическая отсталость масс крестьянства, множественность пролетарских организаций с неизбежно вытекающими отсюда трениями до сих пор не дали возможности испанской революции создать ту внутреннюю сплоченность, спаянность и организованность, которые являются совершенно необходимым условием победы. Нужна была потеря Ируна и Бадахоса для того, чтобы могло образоваться революционное правительство Кабальеро. Нужна была смертельная угроза Мадриду для того, чтобы образовался действительный Совет обороны и произошла нужная реорганизация правительства. И лишь падение Малаги создает сейчас нужные пред-

посылки для массовой воли к действительной революционной дисциплине и военной централизации. 14-го февраля на грандиозной демонстрации в Валенсии были сформулированы 10 «условий победы», принятые всеми партиями и организациями, входящими в Народный Фронт (вся власть правительству, всеобщая мобилизация, всеобщая воинская повинность, единое командование и т. д.).

Так, в процессе борьбы, под ударами врага выковывается меч испанской революции. Чем меньше вожди испанской республики будут рассчитывать на иностранную помощь, чем больше они сосредоточат всю свою энергию на организации внутренних сил испанской революции, тем вернее будет ее победа. Этот процесс уже начался, но он еще далеко не закончен, однако каждый дальнейший этап в его развитии увеличивает мощь испанской республики, укрепляет ее политический и военный потенциал. Конечно, не надо закрывать глаза на те трудности, которые стоят на этом пути. Традиционное, еще со времен Бакунина сложившееся раздробление пролетарских сил между анархизмом и социализмом; взаимное недоверие, в особенности питаемое за последнее время диктаторскими замашками молодой коммунистической партии, опирающейся на гигантский престиж Советской России; крайний индивидуализм и автономизм, воспитанные всей историей Испании и укрепляемые анархистской идеологией, — все эти факторы могут стать опасными и даже роковыми для дела испанской революции, если пытаться их форсировать извне методами, заимствованными из опыта большевистской диктатуры. Но руководящие круги испанского рабочего движения это понимают. Вожди социалистов, обладающие огромным моральным авторитетом, сумеют связать воедино все разнородные части испанского рабочего движения и создать авторитетный центр, успешно противодействующий как центробежным тенденциям, так и попыткам беспардонного «командования» *).

Но если в лагере революции имеются в лице социалистического пролетариата силы, способные стать цементом республиканской концентрации, то в среде реакционных групп и партий, борющихся под знаменем Франко, процесс внутреннего разложения и распада зашел гораздо дальше, и там не видно той силы, которая могла бы действенно объединить все столь разнокалиберные и противоречивые социальные слои и тенденции. Традиционалисты и карлисты, монархисты и фалангисты, клерикалы и милитаристы, — все эти реакционные и капиталистические — помещичьи группировки и течения, до мозга костей черносотенные и националистические, сейчас фактически находятся под ферулой иностранцев — немцев и итальянцев. Раздоры, взаимное подсиживание, интриги, противоречия политических и групповых интересов среди них неизбежны, как неизбежен и рост ненависти к иностранцам, бесцеремонно распоряжающимся в Испании.

Трудности на стороне революции с избытком компенсируются гораздо большими и неустраняемыми внутренними противоречиями в лагере реакции.

Как бы трагично и тяжело в данный момент ни было положение испанской революции; как бы позорно и удручающе ни выглядела в настоящей момент политика европейской демократии, нет основания предаваться отчаянию и пессимизму. Положение может быть еще

*) Мы хотим надеяться, что отзывание Розенберга не означает, как инсинуирует европейская буржуазная печать, прекращения заинтересованности советского правительства в успехе испанской революции, а лишь замену слишком ретивого «советчика» другим более уравновешенным и тактичным.

спасено, если испанская революция путем единения и централизации успешно организует свои внутренние силы и мобилизует все свои резервы, и если европейский социализм, в первую очередь английский и французский пролетариат, исполнит свой долг — путем активирования своей борьбы, путем высвобождения поли-

тики своих государств из-под пагубного влияния Болдинов, Чемберленов и Иденов.

Смелая и решительная анти-фашистская политика европейской демократии не только залог победы для испанской демократии, но и единственный шанс спасения мира в Европе.

Ф. ДАН.

Политический кризис Советского Союза

1.

Опубликование новой конституции отметило собою новый, завершительный период русской революции, характеризующийся, прежде всего, тем, что политическая проблема становится в порядок дня, как очередная и основная проблема всего революционного развития. Нетрудно было предвидеть, что именно в борьбе за организацию власти будут подведены итоги тем грандиозным техническим, экономическим и социальным сдвигам, которые пережили страну за два десятилетия революции, будет окончательно выявлен социологический смысл этих сдвигов и на годы, быть может, на десятилетия предрешена их судьба. Нетрудно было также предвидеть, что эта единоличная и тоталитарная, но раздираемая внутренними социально-политическими и идеологическими противоречиями, сталинская диктатура, которая сложилась и выросла на базе пятилеток и «генеральной линии», может быть лишь временным, переходным этапом в процессе окончательного политического оформления революции. И, наконец, нетрудно было предвидеть, что без боя эта диктатура своих позиций не сдаст, что Советскому Союзу надо будет пройти через полосу более или менее острого политического кризиса, чтобы добраться до тех устойчивых политических форм, в которых найдет свое историческое завершение титаническая борьба социальных сил, до дна всколыхнутых и втянутых в водоворот великой революционной бури.

Теперь симптомы наступления такого политического кризиса налицо: иначе нельзя истолковать и осмыслить все учащающиеся процессы и кровавые расправы и те все новые и новые аресты, жертвами которых становятся «старые большевики» и связанные (или искусственно связываемые) с ними верхи военного, полицейского, хозяйственного и административного аппарата самой сталинской диктатуры.

Можно — с величайшим насилием не только над политическим разумом, но и над разумом просто (о совести мы в этой связи предпочитаем уже и не говорить!) — считать, что есть правда или, по крайней мере, значительная доля правды в тех страшных обвинениях, которые предъявляются подсудимым, в которых они «сознаются» и за которые пачками расстреливаются (как, впрочем, расстреливаются и несознающиеся — в тех же застенках ГПУ только без всякой комедии суда!), — и таком случае каким-же острым и напряженным, каким поистине критическим должно быть политическое положение в стране, где старые большевики, десятилетиями строившие, вместе с Лениным, партию и возглавлявшие революцию, военачальники, дипломаты и высшие должностные лица государства готовы хвататься за яд, кинжал и револьвер, готовы разрушать порученное им хозяйство, устраивать тысячи катастроф с десятками тысяч человеческих жертв, травить бациллами целые воинские части, шпионить и про-

давать страну германскому фашизму и японскому империализму, лишь бы избавиться от ставшего невыносимым сталинского диктаторского режима!

А если признать, как признаем мы, что все эти обвинения и «сознания» ложь, скомпанованная — и притом грубо и неискусно скомпанованная! — ГПУ, то опять-таки каким неустойчивым, каким критическим должно быть положение политического режима, чтобы, в борьбе за самосохранение, глава его увидел себя вынужденным прибегать к таким средствам, не только непревзойденным по гнусности, не только дискредитирующим его режим демонстрацией внутреннего гниения, но прямо опасным для него самого, потому что разлагающим тот «аппарат», на который он опирается, толкающим этот аппарат к сплочению во имя самозащиты, пробуждающим в нем готовность прибегнуть к самым отчаянным средствам, лишь бы избавиться от «тирана», угрожающего каждому из его членов в отдельности и всем им вместе!

С какой-бы точки зрения ни подойти к вопросу, наступление политического кризиса представляется несомненным, и притом кризиса острого, развязка которого, быть может, наступит гораздо скорее, чем то думают не только сторонние наблюдатели драмы, но и сами будущие актеры ее в обоих борющихся лагерях.

Вполне своевременно поэтому уже сейчас не только тщательно взвесить возможные перспективы начавшегося кризиса, но и отдать себе ясный отчет в том месте, которое должна будет занять в его ходе русская социал-демократия, в тех задачах, которые она ставит перед нею и перед всем международным социализмом, кровно заинтересованным в конечных судьбах русской революции.

Если присмотреться к основным линиям той фракционной борьбы, которая не прекращалась в коммунистической партии со времени смерти Ленина, то можно сказать, что она началась, как личная борьба за ленинское наследство, как борьба за командные посты в партии и государстве, продолжалась как борьба за социальную-экономическую программу установившегося и никем не оспариваемого политического режима, а ныне вступает в фазу, когда главной ставкой ее становится открытая борьба за власть.

Конечно, по внешности эта борьба ведется односторонне и исчерпывается террористическими мерами, принимаемыми Сталиным для сохранения власти за собою и для истребления всех возможных конкурентов и претендентов на власть: не только от всех обвинений в шпионаже, пораженчестве, вредительстве и т. п. за версту несет чекистским зловонием, но ни один из процессов не мог до сих пор доказать и наличия сколько-нибудь оформленного сговора или «заговора», сознательно ставящего себе целью снятие Сталина с диктаторского поста, замену его на этом посту другим лицом или ради-

кальное преобразование самой политической системы, господствующей в Советском Союзе. Но эта внешность не должна обманывать. Если в борьбе со «старыми большевиками», которые, повидимому, настолько деморализованы и политически обезволены своим собственным прошлым, что ни к чему, кроме бессильного «ворчанья», неспособны, Сталин считает нужным прибегать к таким отчаянным, и как уже сказано, для него самого рискованным средствам, — то это значит, что «ворчанье» это находит резонанс в каких-то влиятельных слоях советского общества, где оно грозит превратиться в действие, чреватое подлинной опасностью для сталинского единодержавия.

Какие это слои? Ответить на этот вопрос нетрудно, если иметь в виду ту среду, за пределы которой до сих пор не выходит «борьба за власть». Эта среда есть тот самый бюрократический аппарат (военный, полицейский, административный и хозяйственный), на который опирается и сама сталинская диктатура. Если оставить в стороне робкие и скоро замершие попытки «рабочей оппозиции», то для всей внутри — большевистской борьбы характерно, что на всех этапах своих она была и сейчас еще остается борьбой внутри «верхних десяти тысяч» советского общества.

Конечно, все борющиеся без исключения апеллируют к «массам». Но массы мыслятся при этом неизменно в виде греческого хора, не участвующего в драме, а лишь ободряющего своими привестиями борющегося героя или, наоборот, своими проклятиями деморализующего его врагов. Ни одна из большевистских фракций или оппозиций не ориентировалась до сих пор на сознательное и организованное вмешательство трудящихся масс в ход политической борьбы. Весь изменчивый и подчас драматический ход этой борьбы оставался и остается поэтому достоянием «посвященных», протекает вне ведома масс на недоступных их взору Кремлевских высотах, становится им известным лишь в его готовых результатах, — да и то лишь в монопольном освещении очередного «победителя». Политическая борьба превращается таким образом неизменно в борьбу клик. Борьба за организацию власти вырождается в междоусобную «борьбу за власть» большевистских кружков и групп.

Но, поскольку политическая борьба остается «безнародной», не выходит за рамки верхушечного аппарата, средства, которыми она располагает, целиком вмещаются в пределы, ограниченные интригой на одном полюсе, «младотурецким» дворцовым переворотом с более или менее насильственным устранением очередного «султана» или очередных претендентов на «султанат» на другом. Но и силы, на которые могут рассчитывать борющиеся в таких условиях, исчерпываются силами самого аппарата: военного, полицейского, административного и хозяйственного. Только в этих силах могли бы найти рычаг для «устранения Сталина» большевики старой ленинской гвардии, если бы они вообще были еще способны к решительным действиям, или те, более молодые и политически не выдохшиеся еще элементы большевизма, которые захотели бы продолжать борьбу в рамках «безнародности». И только на эти силы может и должен будет все решительнее опираться Сталин для разгрома и истребления своих супротивников и супостатов.

Но опираться на какие-либо социальные силы — для того-ли, чтобы завоевать власть, для того-ли, чтобы сохранить ее, нельзя иначе, как делаясь пленником этих сил и выполнителем их социальной воли. Какова-же подлинная социальная воля аппаратной

верхушки, этого наиболее коррумпированного слоя советского общества, — насчет этого вряд-ли может быть два мнения. Чуждый демократических и тем паче пролетарско-социалистических традиций, об'являющий «социалистическим» общественный строй, закрепляющий его собственное привилегированное положение, преисполненный своеобразной «национальной гордости» и все настойчивее провозглашающий своим конечным идеалом «веселую и зажиточную жизнь», этот слой является носителем и «идеологом» социально-политических тенденций тех «использователей революции», для которых важен и нужен, конечно, «гражданский правопорядок», увековечивающий их в революции «приобретенные права», но которые плюют на демократию, свободу, организованную самостоятельность масс и тем охотнее становятся под знамя «диктатуры пролетариата», как она сложилась в результате 20-летнего развития, что на деле ежеминутно ощущают ее, как свою собственную диктатуру над измотанными революцией, распыленными и потому бессильными трудящимися массами.

Любое лицо или любая группа лиц, которые пришли бы на смену Сталину в «младотурецком» порядке дворцового переворота, на деле не могли бы быть ничем иным, как исполнителями «социального заказа» этого слоя, который помог бы им прийти к власти. Но исполнителем того-же социального заказа «без фраз» должен будет все больше становиться и сам Сталин, поскольку ему будет удаваться разбивать с помощью этого слоя всех своих врагов и соперников, одного за другим, и стабилизировать свою единоличную власть: его попытка эмансипироваться от подчинения своему собственному аппарату «демократической» апелляцией к «народу» должна оказаться недействительной, так как «сталинская» демократия, предназначенная подпереть сталинское единодержавие, ничем, кроме «плебисцитарной», т. е. на деле без- и антинародной демократии быть не может. Таким образом, «сталинизм» и «анти-сталинизм» — это лишь две двери, одинаково ведущие к контрреволюционному «нонапартистскому» (или, выражаясь с той-же степенью исторического приближения в более современных терминах, — фашистскому) завершению русской революции, как одинаково, напр., вели к контр-революционному завершению великой французской революции и директория, и боровшийся против нее Наполеон..

Старые большевики и социалисты слишком марксистски вышколены, чтобы не видеть тех контр-революционных перспектив, которые только и сулят «младотурецкие» способы борьбы за «устранение Сталина». Как было отмечено в предыдущем номере «С. В.», именно эти перспективы и заставляли их всегда отшатываться от претворения своих мечтаний и ни к чему не обязывающих разговоров в какие-либо конкретные и решительные действия. И в то же время их социалистические традиции и их идеологическая связь с «героическим» до-революционным и революционным прошлым большевистской партии делали и делают их в глазах верхушечного аппарата наименее надежными кандидатами на роль исполнителей его «социального заказа». Но это не значит, что аппарат — и в первую голову армия, которая, по ряду причин внутреннего и международного порядка, в данной фазе развития советского общества является главной носительницей «национальных» идеалов его верхушечного слоя, — не найдет других «вождей», менее связанных доктриной и своим собственным прошлым и более дееспособных, чем старые большевики, чтобы завершить, в духе и в интересах этого слоя, социально — политическую стабилизацию советского строя, — если сам Сталин ока-

жется неспособным достаточно быстро, последовательно и безоговорочно взять это завершение на себя.

Таким образом опасность контр-революционного срыва остается велика. Она будет огромна, и контр-революционное завершение политического кризиса останется наиболее вероятным, поскольку на историческую сцену не выступит новый фактор, единственно способный изменить всю постановку политической проблемы Советского Союза — сознательное и организованное движение рабочего класса, способное возглавить и оформить широко разлитое в трудящихся массах, особенно в крестьянстве, недовольство и дать ему вполне определенное направление.

**

«Троцкизм» как будто пытается найти выход из этого порочного круга в новой «пролетарской революции». Но рассчитывать на возрождение «октября» в нынешних советских условиях, значит заниматься чистейшей фантастикой. Только война могла бы дать толчок к новому бурному разливу массовой революционной стихии. Но ставить ставку на развязывание или ускорение войны было бы не только преступлением с социалистической точки зрения, но и безумной авантюрой. Ибо никто не может предсказать, в какую сторону направится развязанная ею массовая стихия при тех настроениях, которые созданы истекшим двадцатилетием в широчайших массах — не только крестьянских, но и пролетарских. И менее всего вероятно, чтобы направилась она в сторону «октябрьскую», в сторону возрождения тех отношений между массовой стихией и «профессиональными революционерами» большевистского толка, которые послужили в свое время основой большевистской диктатуры, о которых и сейчас еще мечтает Троцкий и другие «левые» большевики, но которые безвозвратно ушли в прошлое. А та особая роль, которая ляжет во время войны на армию и весь государственный аппарат, и тот взрыв «национального» чувства, который будет первой непосредственной реакцией на начало войны, делает весьма реальной опасность, что в создавшейся обстановке именно война даст стимул к завершению политического кризиса в бонапартистски-контрреволюционном духе.

Точно так же совершенно фантастична мысль, будто бы «младотурецкие» методы дворцового переворота или, как подготовка к ним, более или менее успешные террористические акты могли бы, поколебав каменную стену диктатуры, создать более благоприятную обстановку для выступления на политическую арену самих трудящихся масс, стимулировать их движение. Такую «эксцитативную» роль могут при случае играть те или иные акты «верхушечной» борьбы в условиях, когда революционная массовая стихия уже кипит и бурлит, уже напирает на «каменную стену», и когда малейший толчок может привести к кристаллизации густо насыщенной революционный раствор: такую роль могли играть и отчасти действительно играли известные террористические акты в первое пятилетие 20-го века. Но безумием было бы думать, что такую роль могли бы сыграть этого рода акты в той обстановке подавленности, распыленности, политической пассивности масс и их неверия в собственные силы, которая в действительности существует в настоящее время в Советском Союзе. В этой обстановке они могли бы лишь укрепить надежды масс, что освобождение, которого они еще не могут добиться «своею собственной рукой», будет принесено им кем-то извне; могли бы лишь побудить их пассивным сочувствием «поддержать» мнимых «освободителей» и подготовить таким образом настоящий массовый фундамент для грядущего

душего Сонапартизма. Отдельные-же разрозненные и замкнутые в тесный круг групповых и местных интересов вспышки, если бы они и имели место, были бы без труда подавлены очередными «победителями», и самое подавление их скрепило бы цементом крови их победу.

Нет, если международному социализму трудно разобратся и занять свое место в той борьбе между (пока, к счастью, речь идет еще только о тенденциях развития) советской «Директорией» и советским «бонапартизмом», потому что и «Наполеон», будучи уже явной и ничем не прикрытой контр-революцией у себя дома, долго еще остается относительно «прогрессивным» фактором для стран, в своем социально-революционном развитии запоздавших, — то этой трудности нет и не может быть для русской социалдемократии. Резко отрицательное отношение ко всем видам и подвидам «младотурецчины»! Решительный отказ от ставки на «сталинизм» или «анти-сталинизм» одинаково! Только таково может быть ее отношение к той «верхушечной» борьбе, которая пока составляет единственную форму переживаемого Советским Союзом политического кризиса.

Но, если на пороге 19-го века, во Франции, для пролетарского революционера Гракха Бабэфа единственным исходом был утопический и безнадежный «заговор равных», то в Советском Союзе, в 4-м десятилетии 20-го века для пролетарского социализма между «сталинизмом» и Харибдой «анти-сталинизма», одинаково подготовляющими контр-революционную катастрофу, открывается свой особый путь — путь ориентации на организованное рабочее движение.

Но об этом, единственно реальном пути борьбы за предотвращение контр-революции — в следующей статье.

П. ГАРВИ.

Оживление трупа

У кремлевской стены покоится в мавзолее набальзамированное тело Ленина. У лубянской стены все чаще громоздятся гетакомбы трупов его ближайших учеников, соратников и преемников, расстрелянных рукою Сталина. От ленинского мавзолея к сталинской Лубянке ведет прямая дорога. Историческая Немезида сделала «продолжателя Ленина» орудием ликвидации партии Ленина.

Ленин предвидел возможность такого конца. Он предостерегал свою партию от вступления на путь разрешения внутрипартийных споров кровью. Но всей своей политикой — государственной и партийной — Ленин предопределил вступление партии на этот путь.

Упразднив государственную демократию, он убил партийную демократию. Задушив самостоятельность пролетариата и всех трудящихся, он подрезал главный корень свободной жизнедеятельности собственной партии. Сделав перманентный террор орудием перманентной революции, он предопределил превращение террора из орудия подавления и истребления всех противников большевизма в средство разрешения споров внутри самой правящей партии.

Элементы разложения, раскола и гибели большевизма были таким образом заложены с самого начала в его идеологии и в его практике. Это не снимает со Сталина личной ответственности за доведение до логиче-

ского конца — до Лубянки — «имманентной» всякой диктатуре меньшинства тенденции взаимоистребления. И особенно не уйти Сталину от личной ответственности за то, что свое каиново дело физического истребления вчерашних соратников и сегодняшних соперников он облек в садистскую форму принуждения обреченных смерти к самооплеванию и самоклеветанию.

Нужно было радикально измениться всей внутренней и международной обстановке; нужно было далеко зайти процессу разложения и перерождения большевистской партии в связи с глубоким социальным переплавлением на основе генеральной линии; нужно было, наконец, безмерно усилиться личному господству Сталина, находящему новую опору и в переродившейся партии, и вне ее, среди «беспартийных большевиков», среди всех «использователей революции», чтобы «продолжатель Ленина» решился на ликвидацию старой гвардии большевизма, а с нею, по существу, и всей партии, какой она вышла из октябрьской революции.

Сталинская пресса, сочетающая растленность духа с рабским усердием, пытается уверить народные массы в обратном: Сталин очищает партию, Сталин возрождает партию, Сталин спасает партию. Вычищена только троцкистская «погань», обезврежены разрушители партии, расстреляны изменники родины и революции. В новую эру «социалистической демократии» партия вступает очищенной и достойной той высокой руководящей роли в перестраиваемом государстве, которую закрепляет за ней новая сталинская конституция.

Но та же сталинопопослушная советская пресса не может скрыть растущих признаков ужасающего разложения партии. Как ни старается выдать она смердящий труп за живой полнокровный организм, это ей не удается. В статье: «Внутрипартийная демократия» лейб-орган Сталина «Правда» от 13 февр. пишет: «Партия большевиков — это боеспособный коллектив товарищей, спаянный дружбой в совместной борьбе за единую цель — за коммунизм», и напоминает при этом слова Ленина, сказанные им в 1902 году, о том, что «демократизм, настоящий, не игрушечный, входит, как часть в целое, в это понятие товарищества». 35 лет тому назад, когда не было еще большевизма и меньшевизма и когда единая социалдемократия прочно стояла на позиции демократии, слова Ленина имели честный смысл. Но теперь говорить о милитаризованной партии янычаров, очищенной от «смутьянов», как о «коллективе товарищей, связанных дружбой», какое это иудушкино лицемерие, какая это насмешка над действительностью, какое это издевательство над понятиями боевого товарищества и дружбы! Товарищество — и публичное опозорение старых соратников! Дружба — и кровавые тризны в подвалах Лубянки!

«Партия Ленина-Сталина», — читаем в той же статье, — «сильна разумом, опытом и волей коллектива». Точно разум коллектива не заменен предписанием партийного начальства, точно опыт коллектива не говорит о тщетности и опасности самонаименьшей оппозиции кремлежителям, точно воля коллектива не парализована системой внутрипартийного террора, дошедшего до массовых расстрелов коммунистических оппозиционеров, без разбору — правых и левых!

И после этого «Правда», на другой-же день после московского процесса, с деланной наивностью сокрушается по поводу систематического нарушения внутрипартийной демократии, открывающего-де дорогу подрывной работе «троцкистских шпионов, диверсантов и изменников». Но снявши голову, по волосам не плачут! «Систематические нарушения внутрипартийной демократии» неотвратимо и непоправимо росли и продолжают расти по мере перерождения и умирания партии,

кад свободного боевого коллектива единомышленников. Результаты этого перерождения и умирания вынуждена подтвердить сама «Правда» в той же статье: «Нарушение выборности и отчетности перед партийной массой сводит на-нет внутрипартийную демократию, а система кооптации способствует подбору в аппарат молчаливых, которые не посмеют критиковать начальство даже тогда, когда наносится прямой ущерб партии».

Дальше некуда. Боевое товарищество революционеров выродилось в а п п а р а т м о л ч а л ь н и к о в. Больше внутрипартийной демократии, — вопиет «Правда». Поздно теперь и напрасно звать к ней...

**

Партийная демократия мертва, партийная пропаганда мертва, партийная работа мертва. В статье: «За большевистский стиль партийного руководства» передовик «Правды» ставит вопрос о причинах слабой способности партии противодействовать проникновению в нее и подрывной работе «изменников и предателей» оппозиционного толка. Одну из причин слабой идейно-политической сопротивляемости сталинских партийных кадров «Правда» от 6 февраля видит в том, что в партийных организациях сплошь и рядом наблюдается «пристрастие к хозяйственному администрированию, которое, естественно, отодвигает на задний план партийные вопросы».

Разумеется, режим партийной диктатуры, как таковой, неотвратимо приводил к дуализму партии и государства в деле «хозяйственного администрирования». Сращивание партии и государства в области народного хозяйства преодолеvalo этот дуализм в своеобразной форме политизации хозяйственного аппарата и деполитизации партии. Народно-хозяйственный и общегосударственный вред этой системы вынуждена признать теперь сама «Правда», констатирующая, что «подмена хозяйственных и советских органов вместо пользы делу приносит вред — работники этих органов развращаются (партийной, П. Г.) опекой, утрачивают чувство ответственности; в результате понижается авторитет хозяйственного руководства, нарушается единоначалие, что ведет к безответственности со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Последствия для народного хозяйства и для всей системы государственного управления точно губительны. Но не менее губительны они оказываются и для партии, атрофируя ее идейно-политические функции и тем идейно-политически разоружая ее перед лицом «коварных врагов». Но деполитизация партии вовсе не есть вопрос «стиля партийного руководства народным хозяйством и государством», как хочет нас уверить «Правда». Она является симптомом и результатом эволюции диктатуры и правящей партии. «Пристрастие» партийных руководителей и целых организаций к хозяйственному администрированию в ущерб партийно-политической деятельности не случайное явление. Это настоящее бедствие.

Бегство в хозяйство от политики, ставшей в условиях сталинского партийного режима делом неверным и опасным, есть такой же симптом умирания партии, как и «систематические нарушения внутрипартийной демократии», обездушение партийной пропаганды и т. д. С одной стороны, логика развития диктатуры привела к тому, что «коллективный разум партии» воплотился в голове «величайшего гения всех времен и народов». С другой стороны, «самодеятельное» занятие политикой, вне формального нерассуждающего проведения кремлевских директив, грозит опасностью если не разномыслия, то разночтения гениальных мыслей

Сталина. По дальше от политики, не то как раз впадешь в уклон «со всеми вытекающими отсюда последствиями» — таково настроение в партии.

Деполитизация политической партии это и есть смерть партии. Московские судебные инсценировки и казни только тогда и стали возможны, когда партия революционеров выродилась в аппарат молчаливых. Но эти гнусные суды и казни в свою очередь окончательно убивают в партии вкус к политике. Вот почему так смешотворны, лицемерны и безнадежны предпринимаемые сейчас сталинским охвостом большевизма попытки вновь вызвать партию к «полнокровной, идейно насыщенной партийной жизни, которая убивает притаившегося врага, как свежий чистый воздух уничтожает плесень и гниль».

Опыты оживления трупа заведомо обречены на неудачу. Гальванизация же партийного трупа может дать лишь мимолетную иллюзию воскрешения. «Игрушечный демократизм», — о котором писал когда-то Ленин, — делу не поможет. «Развертывание внутрипартийной демократии» под знаком «революционной бдительности», т. е. всеобщего доноительства и погрома инакомыслящих, это такая же точно бессмыслица, как и «социалистическая демократия» сталинской конституции при выборной монополии ВКП.

Нет, «свежий и чистый воздух» ворвется в политическую жизнь нашей страны лишь тогда, когда под длинно-самодетельным напором трудящихся масс отвалится, наконец, камень сталинского самовластия.

И. ГРЕКОВ.

Заметки

ВРЕДИТЕЛЬСКИЙ ЮМОР.

* «Скромность украшает большевика», наставительно внушает передовица «Правды» (9 февр.) своей пастве.

С жаром обличает передовик «подхалимство и угодничество», насаждаемые «нескромными» местными «вождями» в подведомственных им партийных организациях, и напоминает им «блестящую характеристику», данную «простоте и скромности Ленина» никем иным, как самим товарищем Сталиным: «эта характеристика Ленина целиком относится и к самому товарищу Сталину», добавляет чуждый подхалимства автор передовицы. «Чле нов нашего правительства и членов Центрального Комитета партии», скромность которых «органична», рекомендует он местным сатрапам взять за образец.

В самом деле, подумайте только, что эти сатрапы творят!

«Колхозам присваивали имена секретарей райкома — и первого, и второго», а один колхоз «даже носит имя своего парторга Исаева»! Поучились бы у «членов нашего правительства и ЦК»! Разве эти светочи коммунизма потерпят когда-нибудь, чтобы их именами крестили колхозы, фабрики, заводы, копи, железные дороги, улицы, села, города, целые губернии и области?

Казалось бы, дальше идти в «чванстве и кичливости» уже некуда. Так нет! Местному начальству и этого мало! И вот, например, в Челябинске «в присутствии секретаря обкома тов. Рындина одно за другим несутся с трибуны славословия... товарищу Рындину»! Видали кто-нибудь, чтобы члены нашего правительства и ЦК и, в особенности, сам товарищ Сталин, допускали славословия по своему адресу в своем присутствии?

Правда, вернувшийся из дальних советских странствий Лион Фейхтвангер в интервью, опубликованном

в ряде пражских газет, утверждает, что видал, и даже больше: видал, что Сталин сам аплодирует себе. Но, наряду с другими драгоценными разъяснениями (о московском процессе, как плоде «недоразумения», вызванного тем, что «троцкисты» вообразили, будто уже наступило время для «дискуссий», между тем как военная опасность делает всякие дискуссии недопустимыми; о Радеке и Троцком, этих «литераторах», опять-таки лишь по недоразумению вообразивших себя политиками, и т. п.) остроумный немецкий писатель дает объяснение и этому загадочному феномену:

«Народ любит Сталина больше, чем когда-либо. Его имя — символ... Сталин сам хорошо знает, что этот культ лишь символ. Поэтому, когда он сам аплодирует при произнесении слова «Сталин», то аплодирует он делу, связанному с его именем» *).

Можно-ли представить себе более совершенное и «органичное» проявление скромности? К сожалению, пражский «Социалдемократ» (9 февр.), из которого мы заимствуем сообщение об интервью Фейхтвангера, такой простой вещи не понимает и почему-то пишет — не то о Сталине, не то о самом Фейхтвангере:

«Хорошо бы кое-кому доработаться до таких высот самопознания, чтобы начать по-просту отплеиваться при произнесении своего имени»!

Но, чего не понимают пражские социал-предатели, то, конечно, хорошо понимают читатели «Правды»: «скромность украшает большевиков»...

Но не позволительно-ли все-же спросить: какой такой юморист-вредитель подсунил «Правде» ее передовицу?

«НЕ СТЕСНЯЯСЬ БУКВАЛЬНО НИЧЕМ».

У Сталина надо учиться скромности. Но у него-же надо учиться последовательному выполнению заветов Ильича по части борьбы с крамолой.

13-ю годовщину смерти Ленина московский Институт Маркса-Энгельса-Ленина (не пора-ли добавить: Сталина?) почтил опубликованием кое-каких документов, в том числе записки Ленина Д. Курскому (тогдашнему Наркомюсту) по поводу проекта вводного закона к Уголовному кодексу. Записка гласит:

«Товарищ Курский! По моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу...) по всем видам деятельности меньшевиков, социалистов - революционеров и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)».

По этому ленинскому рецепту была открыта травля социалдемократии во время советско-польской войны. Нашей партии, возглавленной тогда Мартовым, вменялось в вину, что она «продалась панской Польше». Ей приписывались взрывы мостов, складов и пороховых погребов. Ни Троцкий, ни кто-либо другой из нынешних оппозиционеров, стоявших на вершине власти, не сочли нужным пошевелить хоть пальцем против этих методов чистейшего «ленинизма».

По тому-же ленинскому рецепту был инсценирован уже после смерти Ленина так наз. «меньшевистский» процесс. Были брошены на скамью подсудимых 14 человек, из которых 13 давным давно изменили партии, отошли от нее, не состояли с ней ни в каких сно-

*) Телеграмма из Праги Тасса, излагающая интервью Фейхтвангера и помещенная в московских газетах от 12 февраля, этот перл фейхтвангерского красноречия, как и многие другие, разумеется, до сведения советских читателей не доводит. Зато мы узнаем от Фейхтвангера дополнительно, что «Троцкий и троцкизм не представляют для СССР никакой действительной опасности». Очевидно, именно поэтому Сталин и расстреливает десятками «действительных» и мнимых «троцкистов»! Хорошо защищает Фейхтвангер своего героя!

шениях. Всем им было предъявлено обвинение во вредительстве, в пораженчестве, в организации интервенции — не германского, так французского империализма, в планах капиталистической и помещичьей реставрации. Нынешняя роль Гитлера отводилась тогда Пуанкаре; роль Гестапо — французской контр-разведке; роль универсального злодея Троцкого — Заграничной Делегации нашей партии и Социалистическому Интернационалу: никто иной, как Леон Блюм, Отто Бауэр, Вандервельде и Гильфердинг разрабатывали, вкупе и влюбсе с членами нашей ЗД, планы расчленения Советского Союза и распродажи его «акулам мирового капитализма»! И опять-таки ни в большевистски-правительственном, ни в большевистски- оппозиционном лагере не раздалось ни одного голоса протеста!

Так не пора-ли бросить благочестивую легенду о том, что «при Ленине» это было или было бы иначе? Не пора-ли признать, что, когда Сталин требует от своих Вышинских и Ульрихов, чтобы они «по всем видам» дея-

тельности его политических противников «находили формулировки», ставящие эту деятельность «в связь с международной буржуазией» и оправдывающие массовые расстрелы, — великий вождь народов лишь добро-совестно и в меру сил выполняет и развивает заветы стопроцентного ленинизма? И не пора-ли большевистским оппозиционерам всех видов и толков понять, что все их протесты против методов расправы, практикуемых ныне Сталиным в борьбе с ними, будут звучать фальшиво, пока они сами начисто и открыто не порвут с этими «заветами» в борьбе со своими собственными политическими противниками?

Ордена Ленина заслуживает, несомненно, почтенный главный врач одной из донбассовских больниц, товарищ Соломонов (см. «Правда», 29 янв., телеграмма из Киева), сумевший выразить «ленинские» принципы борьбы с крамольниками в краткой и чеканной формуле: «не е с т е с н я с ь б у к в а л ь н о н и ч е м». Вот именно! Умри, товарищ Соломонов, лучше не скажешь!

С. ШВАРЦ.

Профсоюзы на перепутье

В ноябре 1935 года советская печать неожиданно заговорила о «кризисе профдвижения». Самые махровые профбюрократы со Шверником во главе заговорили языком Саванароллы о «глубоко в'евшихся чиновничьих, канцелярско- бюрократических методах работы» профсоюзов, о «крупнейших ошибках и недостатках» в этой работе, о необходимости «резкой и беспощадной самокритики со стороны рабочих и профактива», критики «острой, принципиальной, не взирая на лица». Самые квалифицированные душителы малейших проблесков самостоятельности и свободы профессионального движения выступили в роли горячих сторонников профсоюзной демократии. Без тени стыда и раскаяния, как если бы не они были активными проводниками и руководителями той профсоюзной — вернее, анти-профсоюзной — политики, на которую они обрушили сейчас театральные громы своего возмущения.

Вскоре выяснилось, что это демократическое просветление «вождей» советского профдвижения имеет свою предисторию. Оказалось, что еще за полгода до того, в мае 1935 года, Сталин вызвал к себе секретарей ВЦСПС — Шверника, Аболина, Вайнберга, Евреинова и Полонского — и приказал им перестроиться на демократический лад. Одновременно ЦК ВКП образовал специальную комиссию под председательством Кагановича, которая должна была разработать новую программу деятельности профсоюзов. Все это в течение полугода хранилось в строжайшей тайне, и только в ноябре благая весть о предписанной демократизации сообщена была изумленному профсоюзному народу. О комиссии Кагановича сообщалось при этом, что работы ее быстро приближаются к концу. Вот-вот нужно было ждать коренной профсоюзной реформы, которая должна была найти свое завершение на всесоюзном съезде профсоюзов.

Эти демократические речи продолжались не многим более месяца. В начале января 1936 года тема о демократическом преодолении кризиса профдвижения так же внезапно исчезла со страниц советской печати, как внезапно незадолго до того вопрос был поднят. С тех пор прошел еще год. Пресловутая комиссия Кагановича безмолвно отошла в небытие. И не только никто не смеет заикнуться об очередном всесоюзном съезде профсоюзов, все уставные сроки для созыва которого давно

истекли, но даже и пленум ВЦСПС фактически перестал существовать. От «решительного и крутого поворота в профработе», возвешенного в ноябре 1935 года, ничего не осталось. Обещанная было сверху реформа умерла в зародыше. В профсоюзах всюду серые чиновничьи будни вновь вступили в свои права.

Но вопрос о возрождении профдвижения неизбежно вновь должен был возникнуть. Профсоюзы это единственный суррогат организации, еще сохранившийся у рабочих масс СССР. Как ни глубоко их бюрократическое перерождение, как ни упал их авторитет в рабочих массах, — профсоюзы все-же остаются ближайшей, может быть, единственной возможной точкой приложения общественной энергии рабочих масс.

В условиях стабилизирующегося советского общества, когда социальные передвижки становятся труднее и возвышение из рядов рабочих, переход в ряды администрации или технической интеллигенции происходит все реже; в обстановке, когда насущные потребности громадного большинства рабочего класса, несмотря на значительный экономический рост страны, по-прежнему остаются неудовлетворенными; в рамках новой конституции, упразднившей старые формальные привилегии рабочего класса и пытающейся оперировать идеей «народного государства» и демократии при фактическом сохранении и упрочении бюрократической диктатуры, все отчетливее становящейся выразительницей интересов нового складывающегося господствующего слоя, — в рабочих массах начинает смутно ощущаться никогда окончательно не умиравшая потребность в своей организации, которая могла бы, если и не бороться за интересы рабочих масс (сознание необходимости такой борьбы, вероятно, еще чуждо подавляющему большинству рабочих), то как-то отстаивать их нужды, могла бы представлять рабочие массы и в сложном переплете социальных сил не дать затеряться голосу рабочего класса.

Вопрос о демократизации профсоюзов не может быть поэтому окончательно снят с порядка дня. Самым фактом своего существования рабочий класс Советского Союза глухо давит на всю систему диктатуры, вынуждая ее вновь и вновь возвращаться к этому вопросу. В последние недели тема о демократизации профсоюзов вновь прорвалась на страницы советской печати.

Правда, не в такой решительной форме, как в конце 1935 года. Профсоюзная печать высказывается о ней явно неохотно, как бы вынужденно. Но этот вынужденный характер обсуждения вопроса в печати как раз и позволяет надеяться, что на этот раз будет действительно сделан хотя бы небольшой шаг вперед.

Основная тема сейчас — сокращение платного профсоюзного аппарата и развитие добровольческого актива. Гипертрофия платного аппарата, поглощающего гигантские средства, действительно превратилась у нас в подлинное социальное бедствие. Вот, например, Московский областной комитет союза рабочих металлических изделий. В Союзе по области 47.000 членов. За первые 10 месяцев 1936 года обком израсходовал 134.000 рублей на жалованье своим 25 платным работникам, да еще 107.000 рублей на административно-хозяйственные нужды. Зато на помощь членам союза израсходовано лишь 36.000 рублей, «причем половину этих денег получили работники областного комитета и 2-3 председателя завкома». Но аппарат областного комитета это еще лишь только частица платного аппарата: в фабзавкоммах, подведомственных нашему симпатичному обкому, числится 406 платных работников, на оплату которых за 10 месяцев истрачено 1.150.000 рублей («Труд» от 17-го декабря). В среднем на одного члена профсоюза содержание аппарата союза и фабзавкомов обошлось за 10 месяцев почти в 30 рублей. И это, повиному, еще не считая гигантского платного аппарата фабричных клубов.

Или еще два-три примера:

Профсоюз строителей тяжелой промышленности центра и юга, отнюдь не из худших, «в ВЦСПС, видимо, не на плохом счету». Но — в профсоюзе 1.185 платных работников; «на их содержание расходуются почти все членские взносы — около 7 миллионов рублей» («Правда» от 19-го декабря).

ЦК союза рабочих мукомольной промышленности Востока. «Большую часть поступлений от членских взносов он тратит на содержание аппарата и различные административно-хозяйственные расходы. Содержание аппарата центрального и краевых комитетов за первые 9 месяцев 1936 года обошлось в 644.700 рублей, затраты же ЦК на культуру и быт за тот же период составляют только 125.00 рублей» («Труд» от 18-го декабря).

Таких примеров можно было бы привести множество. Но еще, может быть, убедительнее итоговые данные. Платный аппарат всего советского профдвижения насчитывает 76½ тысяч работников. «В это число не входят работники культурно-просветительной, громадная армия, на добрую половину состоящая из общественных паразитов. Содержание профсоюзного аппарата (кроме клубов), включая командировочные и прочие административно-хозяйственные расходы, обошлось в 1936 году в 415 миллионов (!) рублей при общей сумме членских взносов в 489 миллионов рублей («Труд» от 15-го января).

Читатели, может быть, обратили внимание, что приведенные выше данные об отдельных союзах заимствованы из советских газет от 17-19 декабря. Это не случайность. В эти дни действительно резко увеличился поток таких сообщений. Но лишь через месяц из неосторожной обмолвки секретаря ВЦСПС Евреинова в помещенной им в «Труде» статье «О сокращении платного аппарата профсоюзов» выяснилась внутренняя механика этого демократического поветрия. Оказалось, что еще 16-го декабря президиум ВЦСПС вынес постановление о сокращении платного профсоюзного аппарата, но постановление ВЦСПС так и не было опубликовано, и ВЦСПС, видимо, решил проводить реформу келейно — бюрократическими методами. Демократическая

реформа по секрету — это ли не рекорд бюрократической ограниченности? Но что, может быть, еще важнее отметить: в этой попытке руководителей ВЦСПС как бы засекретить их собственное постановление нашего свое выражение невольное признание вынужденного характера реформы.

Из профсоюзов и особенно с заводов уже начинают поступать сообщения о благотворном влиянии сокращения платного аппарата. Не всюду, правда, реформа осуществляется успешно. Есть еще очень и очень много организаций, где перестройка проходит «со скрипом» и носит лишь формальный характер. Сокращение штатов носит нередко просто фиктивный характер: часть работников как будто снимается с профсоюзного бюджета, но в действительности все остается в прежнем положении. Типичный образец — ЦК союза металлургов Востока. Формально ЦК как будто сократил свой громадный платный аппарат на треть; в действительности уволено всего три человека; «остальные сокращенные остались попрежнему в аппарате ЦК союза, но заработная плата будет им выдаваться не за счет профбюджета, а из других источников: «по «охране труда», по «социальному страхованию», по «капиталовложениям» (!), по «общежитию», по «дому отдыха», по «водной станции» («Труд» от 17-го января). Еще более поразительный пример — завком Горьковского автозавода им. Молотова. Здесь, включая и массовую культурную работу, в ведении завкома 500 (пятьсот!!) платных работников; «одних только педагогов по ликвидации неграмотности и малограмотности завком содержит 120 человек; заводской каток обслуживают 24 платных работника» (!). А когда дошло дело до сокращения платного аппарата, все ограничилось упразднением в шести цехах должности платного заместителя (!) председателя цехкома, да и то «сокращенные» были тотчас же зачислены в штаты культотдела завкома («Труд» от 5-го февраля).

Бывает и того хуже: профработники снимаются с профбюджета и, оставаясь профработниками, оплачиваются — предприятиями. Такова, напр., практика на Днепропетровском заводе им. Петровского («Труд» от 17-го февраля). Дальше, пожалуй, уже некуда идти.

Косность бюрократического аппарата профсоюзов огромна. И все же уже нередко приходится читать и благоприятные сообщения об организационной перестройке: сведение платного аппарата к минимуму, создание в предприятиях и в цехах коллегиальных выборных органов, ставящих себе, правда, узкие, но близкие рабочим массам задачи и привлекающих в разрешение их — на началах широкого разделения труда — большое число активистов, — все это вносит во многих местах оживление в профсоюзную работу и будит активность масс.

О конкретных формах этой работы и о встающих при этом перед рабочими — передовиками задачах еще не раз придется писать. В рамках сегодняшней статьи от этого приходится отказаться. Сейчас отмечу только, что в определенных пределах эта общественная активность рабочих масс может развиваться, не приводя активные элементы рабочего класса к конфликту с диктатурой. Но границы эти узки, и правящая бюрократия гораздо лучше, чем рабочие, отдает себе в этом отчет.

Новые издания :

А. Н. Потресов. Посмертный сборник произведений. Вступительная статья Б. Николаевского; А. Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии. Париж, 1937.

Idee et Action N° 7. Revue mensuelle du mouvement socialiste et syndical international. Prix 2fr. 50. Paris.

Ю. ОСОКИН.

Основные черты международного положения

Сова мудрости, к сожалению, сохранила свою привычку вылетать только с наступлением темноты. Внутренняя логика исторических процессов доходит с большим опозданием до сознания их современников.

Начиная со статьи «Таймс», появившейся в середине декабря, стало прямо-таки модой говорить о германской «альтернативе»: Германия должна сделать выбор между сотрудничеством с остальным миром и переходом к нормальному мирному хозяйству или же развитием военного хозяйства до конца, что неизбежно связано с экономической изоляцией (политика «аутаркии») и растущей нуждой народных масс. Германская альтернатива существует между тем уже несколько лет, и гитлеровская Германия свой выбор давно уже сделала. Вопрос: камо грядеши, Германия?, который поставили в январе в своих речах Иден и Леон Блюм, необходимо было поставить по крайней мере осенью 1933 года. Но тогда он поставлен не был, и Германия четыре года шла беспрепятственно избранным ею путем. Изменить сейчас направление значило бы для Германии отказаться от возможности пожать плоды гигантских усилий, затраченных за эти четыре года. Речь Гитлера, отклонившего все предложения Англии и Франции, показала, что Германия на такой отказ идти не хочет.

Англия и Франция по существу предложили Германии прекратить усиление вооружений, отказаться от проведения так называемого «четырёхлетнего плана» и приступить к переводу военного хозяйства на мирные рельсы, пользуясь для того самой широкой финансовой и экономической помощью иностранных держав — в первую очередь, очевидно, самих Англии и Франции и, при их посредничестве, Соединенных Штатов. Леон Блюм с замечательным тактом нашел в своей речи для этого предложения такую форму, которая в максимальной степени считалась с германским самолюбием и позволяла, по крайней мере по внешности, лишить предлагаемое соглашение характера «торговой сделки».

Между тем Германия хотела именно сделки, но только совсем другой. Она хотела уступить в каком-либо для нее второстепенном пункте — по всей вероятности в испанском вопросе — для того, чтобы получить ряд экономических льгот, которые позволили бы ей продолжать свои вооружения с меньшими жертвами для ее населения. Иден и Блюм, наверное, знали, что для Германии вопрос стоит именно так. Трудно допустить, что они действительно надеялись на положительный ответ Гитлера. Самое большее, если они надеялись на несколько менее отрицательный ответ. Но они достигли своей политикой большого результата: ясности. Они заставили самого Гитлера дать ответ всем тем, кто не переставал твердить: «помогите Германии выйти из ее экономических трудностей, и вы спасете Европу от войны, завоевав Германию для мира».

Вопрос не в том, хочет или нет гитлеровская Германия войны. Она, наверное, войны не хочет. Но она хочет, опираясь на свои вооружения, путем постоянного шантажа осуществить всю свою программу, создать великое «всенемецкое» государство и достичь полной гегемонии в Европе. Она готова пойти на войну, если она встретит внешние препятствия для осуществления своей программы, и она может быть своим внутренним развитием вынуждена начать войну, если бремя военного хозяйства станет невыносимым. В обоих случаях война, если может быть предотвращена, то

лишь при условии, что силы отпора будут настолько велики, что война будет представляться для Германии совершенно безнадежным предприятием.

Если по отношению к последнему времени можно говорить об известном улучшении международного положения, то именно потому, что собирание этих сил отпора против Германии сделало несомненные успехи. Это находит свое выражение прежде всего в том, что теперь в полном соответствии с действительным положением дел можно говорить об «Англии и Франции», об «Идене и Блюме», подчеркивая этим чрезвычайно усилившуюся координацию политики обеих держав по отношению к Германии. И в то же время своего рода «разведки», произведенные в Америке первоклассными наблюдателями, приводят к заключению, что, хотя Соединенные Штаты меньше всего хотят оказаться втянутыми в европейский конфликт, но они в то же время имеют внутреннюю решимость в случае такого конфликта не допустить поражения Англии.

Внешиеполитическая солидарность Франции, Англии и Соединенных Штатов становится постепенно все больше не только идейной, но и конкретной реальностью, находящей свое выражение и в таких фактах как усиление вооружений как в самих Соединенных Штатах, так и в Канаде, от одного года к другому увеличившей свой военный бюджет в полтора раза. Германояпонский союз, несомненно, сильно помог этому процессу, как он и в самой Японии оживил и усилил сопротивление против заключавшего этот союз правительства, которое даже вынуждено было уйти в отставку. Правда, сопротивление армии помешало образованию либерального правительства, задачей которого было положить конец политическому господству военщины, но обнаруженная оппозицией сила может, по крайней мере, оказать известное сдерживающее влияние. Новый министр-президент счел нужным в своем первом выступлении перед парламентом высказаться очень определенно против фашистской «реформы» государства и заявить, что правительство будет проводить заключенный с Германией союз против коммунизма, «стараясь избегать опасных ошибок».

Германии не удалось ни раз'единить Англию и Францию, ни добиться от них согласия на исключение Советского Союза из европейских комбинаций. Обе державы поставили напротив условием для европейского соглашения участие в нем СССР. Если удельный вес СССР в системе защиты мира и сопротивления агрессивной политике Германии за последние полгода значительно уменьшился, то это является результатом не внешней политики Гитлера, а внутренней политики Сталина. Несмотря на общепризнанные высокие качества советской авиации и на геройские подвиги советских летчиков в Испании, не только моральный престиж Сов. Союза в левых кругах европейской демократии, но и вера в ее военную мощь являются теперь очень сильно поколебленными. Ведь если хоть часть того, что «разоблачалось» на московских процессах, соответствует истине, если в России важнейшие органы и впрямь кишат изменниками, то военная мощь такой страны является чрезвычайно сомнительной. А если в этих разоблачениях нет и десятой доли истины, то система столь чудовищной лжи свидетельствует о таком моральном разложении, что о действительной военной мощи опять-таки говорить не приходится.

С военной точки зрения однако во всяком случае лучше иметь эту, хотя бы в точности и неизвестную величину на своей стороне, а не против себя. А затем не следует от прежней переоценки впадать в противоположную крайность и считать военное значение Сов. Союза чуть ли не равным нулю. Сов. Союз и в нынешнем его состоянии остается важным элементом защиты мира против Германии и ее союзников. Но, с другой стороны, понятно и вытекающее из этого состояния стремление обеспечить этой системе более солидную опору. Вот почему так сильно прежде всего психологическое действие, исходящее от укрепления англо-французской солидарности и от надежд, что Соединенные Штаты станут третьим опорным пунктом этой системы.

Темными сторонами международного положения являлись прежде всего трагическое развитие испанской революции, которому посвящена особая статья, и укрепление германо-итальянского соглашения, так называемой «оси Берлин-Рим». Существование этой оси, правда, еще не доказывает, что в случае войны Италия непременно будет на стороне Германии, но уже угроза этою возможностью усиливает политику шантажа Германии и Италии по отношению к другим государствам. Результаты этой политики уже сказались в Средней Европе и на Балканах, где германское влияние усилилось, и внутренняя сплоченность

Малой Антанты ослабела. Так как Италия с другой стороны не хочет, чтобы Германия укрепилась в западной части Средиземного моря (Испания и Испанское Марокко), то она, повидимому, добилась раздела сфер влияния и, оставляя себе решающее участие в испанском конфликте, предоставила Германии относительную свободу рук в Восточной Европе. Ответом на эту политику была произнесенная 14-го февраля речь Шушнига. Чувствуя себя с головой выданным Германии, австрийское правительство в сущности поставило вопрос, готова ли Италия попрежнему охранять независимость Австрии.

В какой мере «ось Берлин-Рим» выдержит это испытание, является проблемой ближайшего будущего. То или иное ее решение зависит и от силы противодействия, которую сумеют проявить государства другой группировки. В этом отношении должно сказаться влияние того нового фактора, каким является в международной политике правительство Блюма. В политике этого правительства можно многое критиковать, но возглавляемое социалистом, умеющим отстаивать свои принципы, опираясь на социалистическое движение и тяготеющие к нему слои демократии, нынешнее французское правительство имеет возможность, лишая организацию отпора Германии характера конфликта соперничающих империализмов, дать этой организации новую и решающую притягательную силу.

В РАБОЧЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СОЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ БЮРО РСИ И МФПС.

17 февраля состоялось в Париже совместное заседание Бюро Социалистического и Профессионального Интернационалов, обсудившее предложение испанских организаций о созыве международной конференции по испанскому вопросу.

После кратких прений было единогласно постановлено созвать конференцию в Лондоне на 10-11 марта.

Политические и профессиональные секции обоих Интернационалов приглашаются послать возможно более многолюдные делегации и, в частности, включить в них

внушительное представительство своих парламентских фракций.

Накануне совместной конференции решено созвать заседания Исполкомов обоих Интернационалов.

В ходе прений оба Бюро выразили энергичный протест против того, что в наступлении на Малагу принимали участие крупные итальянские силы и что итальянские суда помогали мятежникам, — и это как раз в тот самый момент, когда обсуждался вопрос о методах усиления контроля и пресечения всякой интервенции.

ЗАГРАНИЦЕЙ

РАБОЧИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ИСПАНСКИМ БОРЦАМ.

До января текущего года Международный Фонд Солидарности, организованный совместно Рабочим Социалистическим Интернационалом и Международною Федерацией Профессиональных Союзов, собрал на дело помощи испанским борцам за свободу 8.700.000 французских франков. Наиболее крупные суммы были доставлены английскими рабочими (2,3 милл. фр.), северо-американскими (2,2 милл.), шведскими (1,2 милл.) и бельгийскими (1 милл.). Помимо этого Французская Конфедерация Труда, организовавшая дело помощи самостоятельно, собрала 5,35 милл. фр.

Из средств, находящихся в распоряжении Международного Фонда Солидарности, 5,6 милл. фр. было затрачено на посылку в Испанию 20 транспортов с медикаментами, продовольствием, табаком, одеждой, бельем и обувью. Кроме того были ассигнованы средства на организацию санитарной службы. Часть этих транспортов была предназначена для снабжения Международной Бригады, сражающейся под Мадридом.

Помимо этого профессиональные союзы некоторых стран посылали и самостоятельно транспорты в Испанию. Так, профсоюзы Исландии, Мексики и Аргентины послали много продовольствия; профсоюзы других стран — большие количества платья и обуви. Организации Южной Франции, Бельгии и Швейцарии пригласили испанских детей, которые и

прибудут вскоре в эти страны в числе 20.000, главным образом сирот павших бойцов.

16 января в Испанию был направлен, под личным руководством секретаря МФПС т. Схэвенельса, новый транспорт в составе 22 грузовиков, из них 17 за счет Межд. Фонда и 5 за счет французской Г. К. Т. Всего было доставлено 50 тонн продовольствия. Грузовики также поступили в пользу испанских республиканцев.

Рискуя своей свободой, социалистические рабочие производили сборы в пользу испанских товарищей даже в странах диктатуры: в Италии, Германии, Австрии и др. Даже литовские социалисты прислали в Межд. Фонд свыше 3.000 франц. франков.

В этот обзор не вошла, разумеется, та помощь доставкой оружия, которую наладили социалистические и профессиональные организации и группы многих стран. Эта помощь, несомненно, сыграла немалую роль, особенно в те первые месяцы, когда ни о каких советских поставках не было еще и речи. Надо думать, что значение ее и сейчас еще достаточно велико. Но о ней, по понятным причинам, ни в печати, ни на публичных собраниях и митингах ничего не говорится. Размеры и значение ее можно будет точно учесть лишь тогда, когда падет покров «нелегальности», на которую обрекает этот вид помощи политика «не-вмешательства». И тогда, быть может, окажется, что распространенное мнение, будто Коминтерн сделал для спасения Испанской республики

ки «все», а социалистическое и профессиональное рабочее движение «ничего», окажется такою-же легендой, как и многие другие представления такого-же рода...

Тов. Жан Дельвинь, секретарь Бельгийской Рабочей Партии, выехал в Испанию, где он будет постоянным представителем РСИ и МФПС, в функцию которого будет входить главным образом организация распределения той помощи, которую Международный Фонд Солидарности оказывает испанским республиканцам. Наряду с тов. Дельвином, т. Ненни остается политическим представителем РСИ при Международной Бригаде.

ОТСТАВКА ВАНДЕРВЕЛЬДЕ.

Вынужденные посвятить предыдущий номер «С. В.» почти целиком процессу Радека-Пятакова, мы не имели возможности отметить своевременно такой важный и знаменательный в жизни РСИ факт, как уход т. Эмиля Вандервельде, председателя Бельгийской Рабочей Партии и бывшего председателя РСИ, с поста вице-президента и министра здравоохранения, который он занимал в коалиционном правительстве фан Зееланда.

Внешним поводом к отставке Вандервельде послужило его несогласие с теми несколько «великодержавными» методами, которые так мало к лицу небольшой Бельгии, но которые однако сочли возможным практиковать по отношению к республиканскому правительству Испании фан Зееланд и его министр иностранных дел Спаак, так недавно еще возглавлявший «крайнее левое» крыло Бельгийской Рабочей Партии. В этом конкретном вопросе Вандервельде как будто победил: конфликт, возникший из-за убийства в Испании (кем, так и осталось пока невыясненным) некоего бельгийского барона Борхграва, поведение которого давало достаточные основания считать его осведомителем и агентом мятежников, был мирно улажен.

Но в связи с этим инцидентом возник общий и принципиальный вопрос о роли и задачах министров-социалистов в коалиционном правительстве. И оставаясь убежденным сторонником того взгляда, что интересы бельгийского рабочего класса требуют в данный момент сохранения коалиции, Вандервельде считал и считает, что и внутри коалиционного правительства министры-социалисты должны оставаться представителями социалистического пролетарского движения и что само это движение не должно приносить в жертву коалиции ни своей принципиальной установки, ни своей самостоятельности, ни своих классовых задач: коалиция может быть временною необходимостью, но она всегда лишь эпизод в истории классовой пролетарской борьбы и имеет ценность и смысл лишь постольку, поскольку рабочий класс воздействует на ее политику в духе и в направлении этой борьбы. Наоборот, Спаак и Де-Ман являются теми министрами-социалистами, для которых «национальное единение» является верховным законом и с точки зрения которых этому закону должна быть подчинена политика рабочего класса на весь переживаемый исторический период. И вот почему Вандервельде, как он сам сказал в одной из своих речей, «счел нужным освободить себя от деятельности в правительстве в момент», когда, по его убеждению, «назревает переход классовых антагонизмов в решающие бои».

Грозивший правительственный кризис устранен пока тем, что Совет партии одобрил решение Вандервельде и в то же время (по предложению самого Вандервельде) постановил сохранить участие социалистов в правительстве фан-Зееланда, заменив тов. Вандервельде тов. Вотерсом. Но такой исход по существу не разрешает, а лишь отсрочивает разрешение того конфликта, который возник внутри партии по вопросу о роли социалистических представителей в коалиционном правительстве и который и послужил действительной причиной отставки Вандервельде.

Этой отставкой Вандервельде поставил в порядок дня вопрос громадной важности не для одного только бельгийского социализма. Как напоминает сам Вандервельде («Пэпль», 7 февр.), еще в октябре прошлого года, т. е. накануне последовавшего тогда преобразования правительства фан-Зееланда, он писал:

«Мы признаем (и это, быть может, самый основательный из упреков, который можно сделать политике Бельгийской партии за последние два года), что, делая ударение на задачах, по самому существу несколько «земных»; отодвигая во имя непосредственных успехов на задний план те идеалистические цели, без которых такое движение, как наше, обойтись не может (зачем завоевывать мир, если сам теряешь при этом свою душу?); теряя из виду те вершины, к которым мы движемся шаг за шагом через невозможные на пути к ним препятствия; — мы рискуем серьезно ослабить динамизм нашей программы и лишить ее влияния на массы, если во-время не остережемся.

На складе „Социал. Вестника“

имеются следующие издания :

ЦЕНА ВО ФРАНКАХ
для подписчиков „Соц. Вестн.“

Вместо: 40% скид.

Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

«Для того, кто умеет заглянуть в грядущие времена, становится все яснее, что борьба, беспощадная борьба ведется и будет вестись между фашизмом и социализмом. Но в этой борьбе социализм сможет восторжествовать лишь в том случае, если останется верен самому себе».

В такой перспективе жест Вандервельде приобретает характер акта высокой политической и моральной ценности, и мы от души приветствуем старого борца, возвращающегося к активной работе в Исполнительном Комитете, где он, вместе с тт. Гюисмансом и Дельвином, будет представлять Бельгийскую Рабочую Партию (т. Де-Брукер, как известно, был избран председателем Исполкома РСИ вне связи с представительством какой-либо определенной партии).

ГЕРОИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

Пражский «Форштанд» германской социалдемократии опубликовал — неполный! — список социалдемократов, осужденных в Гитлеровской Германии за нелегальную работу к 5 и более годам каторжных работ. Согласно этому списку, в который, стало быть, не входят ни товарищи, получившие меньше 5 лет каторги, ни тысячи товарищей, замученных или по сей день изнывающих в концлагерях, ни те, которых, как Штеллинга и столь многих менее известных, по-просту зверски убили национал-социалистические бандиты, 51 социалдемократ были присуждены в общей сложности к 387 с пол. годам каторги. По годам эти приговоры распределяются так:

1933 г.	7 осужденных на	74	года каторги
1934 «	5	39	«
1935 «	13	80 1/2	«
1936 «	26	194	«

Эти цифры ясно показывают, что число каторжных приговоров все растет. Это свидетельствует о росте нелегальной работы германских социалдемократов.

РОСТ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

В «Попюлер» от 17 декабря, т. Северак дает сведения о росте французской социалистической партии. В основу статистики положено число взятых и полностью оплаченных годовых членских карточек. В 1935 году число это равнялось: в январе — 75.000, в июне — 105.000, в конце декабря — 120.000. Вот теперь данные за 1936 год:

Конец января	77.881
« февраля	98.860
« марта	108.242
« апреля	114.179
« мая	127.853
« июня	143.567
« июля	162.833
« августа	174.407
« сентября	183.832
« октября	196.133
« ноября	201.204

Как видно из этих цифр, приток членов сильно возрастает и приобретает постоянный характер с июня — со времени прихода к власти правительства Блюма. В 1935 году с конца июня по конец декабря число взятых годовых карточек возросло всего на 15.000; в 1936 — с конца июня по конец ноября на 58.000. Эта цифра, несомненно, еще повысится к концу декабря. В общем за год число членов партии возросло более чем на 80.000, т. е. по отношению к декабрьской цифре 1935 года на 65-70%.

**

По показаниям коммунистической печати компартия Франции тоже значительно выросла за это время, и число ее членов будто бы даже превышает число членов социалистической партии, перевалив за 300.000. В виду особенностей коммунистической партийной «статистики» проверить эти цифры трудно. Но надо отметить, что в то время, как рост социалистической партии сопровождается непрерывным ростом голосов, подаваемых за нее, и непрерывными успехами на всех выборах, как дополнительных парламентских, так и провинциальных, муниципальных и т. д., число голосов, подаваемых на различных выборах за коммунистов, за редкими исключениями, систематически убывает.

Чтобы дать картину общего роста организованного рабочего движения во Франции при режиме Народного Фронта, напомним, что Генеральная Конфедерация Труда насчитывает теперь свыше 5 миллионов членов вместо 1 миллиона с небольшим, который числился в обеих профессиональных организациях до их объединения. Особенно быстро растет число членов как раз в тех профессиональных союзах, которые организуют категории рабочих, раньше весьма трудно поддававшиеся организации. Так, с декабря 1935 до декабря 1936 союз сельскохозяйственных рабочих вырос с 12.000 до 150.000; пищевой промышленности с 15.000 до 300.000; кожевенной промышленности с 10.000 до 88.000; строительных и деревообделочников с 65.000 до 603.000; служащих с 15.000 до 260.000; одежной промышленности с 6.000 до 110.000; химической с 4.000 до 190.000 и т. д. Понятно, что усвоение всей этой «сырой» рабочей массой подлинной профессиональной выучки потребует огромной работы и займет немало времени.

СЪЕЗД ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

24-й съезд ППС состоялся 31 января-3 февраля в Радоме при участии 300 делегатов и почти 1.200 гостей. В почетный президиум были избраны пребывающие в изгнании Герман Либерман и Андреас Струг. Председательствовал т. Квапинский, председатель Всепольской профессиональной комиссии.

Съезд был очень оживленным, и отличительным признаком его были, с одной стороны единогласие, с которым, несмотря на столкновение мнений, принимались решения, а с другой, большое число молодых делегатов, свидетельствовавшее о значительном притоке молодежи в ряды партии за последние годы. Довольно значительно было и число крестьянских делегатов, опять-таки указывавшее на сильный рост влияния партии в деревне.

Представитель РСИ, т. Жан Лонгэ, был встречен с энтузиазмом. Крестьянская партия, возглавляемая политическим эмигрантом Витосом и охватывающая миллионы сельского населения, обратилась к съезду с приветственным письмом, в котором подчеркивала необходимость сотрудничества в борьбе за демократию между крестьянством и рабочими, идущими под знаменем ППС.

Главным спорным вопросом в прениях был вопрос о «Народном Фронте». Следует ли формировать его по французскому образцу, с коммунистами или без них? По этому во-

просу разгорелась дискуссия. Во главе тех, кто утверждал, что в нынешней фазе политического развития у партии нет врагов слева и что поэтому все левые элементы могут быть сплочены под руководством ППС на борьбу против фашизма и диктатуры, стоял тов. Барлицкий, новизбранный городской голова Лодзи. Противоположный взгляд, который, после весьма оживленных прений, и был единогласно принят съездом, защищали тт. Недзьялковский, Заремба, Циолкош и Чапинский, в аргументации которых главную роль играло соображение, что сотрудничество с крестьянством важнее сотрудничества с коммунистами.

Принятая политическая резолюция содержит длинное введение, основная мысль которого заключается в том, что целью борющегося пролетариата должно быть создание опирающегося на народные массы **рабоче-крестьянского правительства**. Далее резолюция говорит:

«Для достижения этой основной цели необходимо сплочение всех организованных сил рабочих и крестьян, потому что для них низвержение фашизма и диктатуры является вопросом жизни или смерти. Оставаясь попрежнему на почве рабоче-крестьянского фронта, образованного ППС и народно-крестьянской партией, съезд поручает партийному руководству содействовать укреплению этого сплочения крестьянских и рабочих масс прежде всего энергичной кампанией за роспуск парламента и назначение новых выборов (на основе нового, демократического избирательного устава).

«Съезд подтверждает правильность уже ранее принятого решения, согласно которому отвергается возможность соглашения об единстве действий между ППС и коммунистической партией. Отношение коммунистов к народным фронтам вообще и к социалистам в частности попрежнему остается неискренним, а иногда и прямо враждебным. Коммунисты продолжают практиковать по отношению к социалистическому движению двуличные методы, стремясь неизменно к подрыву авторитета организаций, равно как социалистических и профсоюзных вождей. При таких условиях коммунистический лозунг единого фронта (повсюду единство действий с социалистами — кроме России, где для социалистов и коммунистической оппозиции знают лишь тюрьмы и массовые убийства!) следует рассматривать как фразу, за которой на деле скрывается желание разложить рабочее и социалистическое движение, чтобы затем подчинить его команде коммунистов. Поэтому ППС, стремящаяся к действительному политическому и профессиональному единству рабочего класса, высказывается против лозунга единого фронта, в своем практическом применении лишь углубляющего политическую раздробленность рабочего класса. Верная своим принципам, партия возьмется за дело объединения рабочего класса исключительно под своим собственным знаменем».

В части, касающейся международного положения, резолюция характеризует политику фашистских государств и, особенно, вооружения Германии, как опасную угрозу террито-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 62, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTÉ, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigale.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

“DER KAMPF”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

риальной целостности и независимости Польши, рекомендуя стране политику коллективной безопасности и заключение оборонительных союзов с демократическими странами Европы. Имея в виду эту опасность, резолюция требует доведения «вооруженной мощи страны до такого уровня, чтобы Польша могла в любой момент отразить грозящую внешнюю опасность и с успехом защищать свою независимость».

Заканчивается политическая резолюция следующими словами:

«Традиции трудящегося народа Польши связаны с великими вооруженными битвами за международную свободу, имевшими место в прошлом; он пролил много крови и отдал много жизней за создание польской армии; он не может поэтому отказаться от права принимать участие в разрешении вопросов, связанных с созданием вооруженной силы государства, развитие и расцвет которой возможны лишь в атмосфере свободы граждан и планового хозяйства, подчиненного интересам трудящихся масс.

«Опираясь на энергичную волю масс к борьбе, съезд призывает трудящийся народ Польши сплотиться под знаменем социального переустройства, политической свободы, рабоче-крестьянского правительства и защиты национальной независимости».

По докладу тов. Недзьялковского съезд единогласно принял новую программу партии. Изменения состоят в том, что новая программа более приспособлена к существующему политическому и хозяйственному положению и считается с тем, что за истекший период времени (старая программа 1919 года была детищем эпохи высшего расцвета демократии) Польша превратилась в фашистски управляемое военное государство, относительно диктаторского характера которого, вопреки лже-парламентскому фасад, никто обманываться не может.

Значение съезда тем более велико, что состоявшийся вскоре съезд крестьянско-народной партии с таким же единодушием высказался за тот-же самый демократический и антифашистский фронт и с такою-же решительностью объявил политическое наступление на существующую правительственную систему.

Герман Либерман.

К 65-ЛЕТИЮ П. И. КАЛНИНА.

5 марта заслуженному деятелю латвийской социалдемократии, бывшему председателю сейма, удаленному с поста фашистским переворотом, исполняется 65 лет.

Мы шлем свой горячий привет юбиляру и в лице его всей славной латвийской социалдемократии!

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходившие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходившие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться :

“LE COURRIER SOCIALISTE”141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)**ИЗ ПАРТИИ**

К 70-ЛЕТИЮ И. ЮДИНА-АЙЗЕНШТАТА.

14-го февраля 70-летие ветерана РСДРП и Бунда, тов. И. Л. Юдина-Айзенштата было в торжественной обстановке отмечено бундовской колонией в Париже, по почину рабочего союза имени Вл. Медема и Арбейтер-Ринга. С речами и приветствиями выступили гг. Вайсброд и Р. Я. Гинзберг от организаторов, Ф. Курский, давший чрезвычайно интересные воспоминания о юбиларе, Р. Абрамович, Я. М. Пескин, Г. Я. Аронсон, представитель юношеской организации Цукунфт и делегат от детской бундовской организации. — Прошедший в чрезвычайно товарищеской атмосфере вечер закончился благодарственным словом самого юбиляра и пением старых бундовских песен.

Кроме многочисленных поздравлений и приветствий из Польши, на имя т. Юдина поступил и ряд поздравлений из Америки, в том числе от т. Б. Владека, редактора «Цукунфт» тов. А. Лесина и мн. др.

Печатаем текст адреса, с которым Заграничная Делегация РСДРП обратилась к юбиляру:

Дорогой и глубокоуважаемый Исая Львович!

В феврале 1927 года, в день Вашего 60-летия, ЗД РСДРП обратилась к Вам с приветствием, в котором чествовала Вас, как неутомимого, самоотверженного работника, целиком отдающего себя делу служения рабочему классу и всегда стоявшего в первых рядах социалдемократии; как борца, которого не сломили и не смогут сломить никакие преследования и никакие испытания; как товарища, которого партия всегда видела и видит на посту, как живой пример моральной стойкости и преданности пролетарскому делу, всюду, где надо

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

защищать партийное знамя, отстаивать честь и достоинство партии, отдавать ей все свои силы.

10 лет прошло с тех пор, — лет, столь богатых драматическими событиями во всем мире и в нашей собственной стране, столь тяжелым во многих отношениях и для партии, и для Вас лично. Но и теперь мы можем с тою-же и даже еще большею силою убеждения повторить Вам и о Вас то, что сказали 10 лет тому назад.

Вы были и остаетесь одним из тех, кто не только сам не согнулся под бременем пережитого, но кому и вся наша партийная семья обязана своим идейным и организационным самосохранением. Ни удары, которые пришлось вынести партии за это бесконечно трудное время, ни затянувшиеся будни изгнания, ни катастрофы, пережитые социалистическим рабочим движением в столь многих странах, не могли поколебать Вашей веры в идеи и идеалы марксистской социалдемократии, — как ни годы, ни физические недомогания не могли помешать Вам попрежнему отдавать все силы свои служению партии и крепко держать ее красное знамя в своих руках, всю жизнь свою сливать нераздельно с ее жизнью, вместе с нею пылливо искать все новых и новых путей к ее возрождению и хранить в сердце своем неугасшим юношеский пыл борца за свободу и социализм!

Примите-же, дорогой Исай Львович, к своему 70-летию чувства нашей товарищеской любви и почитания! И да будет нам суждено еще многие годы видеть Вас в своих рядах, как живой символ великого прошлого, через безвременье настоящего протягивающего руки к великому будущему!

Заграничная Делегация РСДРП.

Париж, 7 февраля 1937 года.

НЕПРИСТОЙНОСТЬ ИЛИ ГЛУПОСТЬ?

В № 22 «Новой России», полученном нами перед самым выходом нашего журнала в свет, мы с изумлением прочли в статье А. Керенского «Ответ Лебедеву» следующие строки:

«недавно пришлось даже слышать совершенно явный вздор о том, что письма из Москвы для меньшевистского «Социалистического Вестника» не то составляются, не то редактируются агентами ГПУ...»

Не знаем, из какой белогвардейской или иной помойки почерпнул Керенский опубликованную им сплетню. Он сам называет ее «явным вздором» и приводит лишь как один из примеров работы большевистской «службы дезинформации». И все-же он считает возможным пустить ее со страниц своего органа гулять по белу свету.

Керенский не может не знать, что в результате таких операций «всегда что-нибудь да остается»... Как-же объяснить его выходку? Что это: рассчитанная непристойность или просто нерасчетливая глупость?

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Idée et Action, N° 7, Février 1937.

La Révolution prolétarienne, N° 240.

Знамя России, № 2 (90).

Новая Россия, № 22.

Le Parti communiste et ses camouflages. Extrait du numéro du 15 Sept. 1936 de la Revue de Paris.

De la Révolution de Lénine à la contre-révolution de Staline. Les brochures du Groupe International (marxistes-léninistes), N° 2. Edition Internationale. Copenhague et Paris. Prix 2 fr. 50.

L. Sedow. Rotbuch über den Moskauer Prozess. Editions de Zee. Antwerpen.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 8/2, 20/2.

Отослано: № № 4 и 5.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(17-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

Абонемент на одно из следующих изданий:

1) «*Kampf*» — на 1/2 г., 2) «*Idée et Action*» — на полгода.

Одну из следующих книг:

1) *Otto Bauer*. Zwischen zwei Weltkriegen, 1936.
2) *Léon Blum*. La réforme gouvernementale, 1936.
3) *A. Gide*. Retour de l'U.R.S.S. 1936.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно